

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73

УДК 662.5

Эмоциональные процессы в парасоциальных отношениях: возможности социологических исследований

Алексей Сергеевич Новиков

кандидат философских наук, магистр психологии, доцент кафедры социологии,
Институт педагогики, психологии и социологии,
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, РФ)
Scopus ID: 57210605206
asnovikov@gmail.com

Аннотация. В данной работе рассмотрены возможности использования качественных социологических методов — фокус-групп и глубинных интервью — для анализа парасоциальных отношений, что и выступает целью статьи. Автор опирается на определение парасоциальных отношений, введенное американскими учеными Д. Хортоном и Р. Р. Уолом. В качестве эмпирической базы работы выбран вторичный анализ данных нескольких серий социологических исследований, проведенных в Сибирском федеральном округе и ряде других регионов России. Концепция парасоциальных отношений дополняет и расширяет широко распространенное представление о социальных отношениях, принятое и разделяемое в социологической науке. Ключевой чертой парасоциальных отношений в данной работе заявляется фактический распад отношений социального обмена, также предпринимается попытка разделить понятия парасоциальных отношений и парасоциальных взаимодействий. В статье анализируются основные черты парасоциальных отношений, а также приводятся признаки-индикаторы, по которым можно определить парасоциальные отношения с использованием качественных методов социологических исследований. Одной из ключевых черт парасоциального отношения в контексте восприятия политической власти является отсутствие составляющей обмена, характерной для классического концепта социальных отношений. Также значимой чертой отношения к власти как парасоциального отношения выступает эмоциональная заряженность подобного поведения, которая является значимым мотиватором политического (в том числе и электорального) поведения. Третьей значимой чертой, характеризующей обсуждаемые отношения и взаимодействия как парасоциальные, выступает амбивалентность, традиция исследования которой насчитывает достаточно большое число не только социологических, но также психологических и философских работ. Автор статьи обосновывает использование такого обширного слоя социологического материала, как исследование отношения к власти, в качестве базы для изучения парасоциальных отношений. В статье постулируется, что эмоциональные процессы играют ключевую роль в понимании такого класса явлений, как парасоциальные взаимоотношения или парасоциальные взаимодействия. Делается вывод о перспективности дальнейшего анализа парасоциальных отношений в различных аспектах современной общественной жизни.

Ключевые слова: социальные отношения, парасоциальные отношения, электоральное поведение, интервью, фокус-группы, эмоции.

Цитирование: Новиков А. С. Эмоциональные процессы в парасоциальных отношениях: возможности социологических исследований / А. С. Новиков // Siberian Socium. 2019. Том 3. № 3 (9). С. 65-73.
DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Парасоциальные отношения являются достаточно новой областью социальных исследований. Эта область является междисциплинарной — первые исследования парасоциальных отношений были сделаны в рамках психологической предметности, но дальнейшее развитие данная тематика получает и в рамках социологических исследований, и в рамках социально-философского осмысления.

В данной статье мы руководствуемся следующей *целью*: рассмотреть возможности исследования парасоциальных отношений при помощи классических социологических методов.

Эмпирическую базу для основных положений данной статьи составляют преимущественно исследования электорального поведения, проведенные автором в период с 2002 по 2016 г. Данные исследования различались по своим целям и задачам. Тем не менее в рамках каждого исследования присутствовал блок, направленный на оценку отношения граждан России к властям различного уровня и выборным процедурам.

Именно это отношение будет выступать *объектом* нашего анализа. *Предметом* анализа будет являться эмоциональная составляющая данного отношения.

В дефиниции парасоциальных отношений целесообразно опираться на представление о социальных отношениях. Базовым для любых социальных отношений является представление о социальном обмене. Фундаментальность принципа социального обмена убедительно продемонстрирована в работах целого ряда социологов, начиная с О. Конта и Э. Дюркгейма и продолжая работами Дж. Хоманса, который и является автором оригинальной теории социального обмена.

Э. Дюркгейм пишет о разделении труда как основе социального обмена и причине социальной солидарности: «Хотя О. Конт заметил, что разделение труда — источник солидарности, но он, по-видимому, не заметил, что это солидарность *sui generis*, мало-помалу становящаяся на место той, которую порождают социальные сходства. Вот почему, замечая, что эти последние

исчезли там, где функции очень специализированы, он увидел в этом исчезновении болезненное явление, угрозу для общественной связи, происходящую от чрезмерной специализации, — и таким образом он объяснил факты некоординированности, сопровождающие иногда развитие разделения труда. Но, так как мы установили, что ослабление коллективного сознания — нормальное явление, то мы не можем сделать из него причины изучаемых нами ненормальных фактов. Если в некоторых случаях органическая солидарность не все то, чем она должна быть, то это, конечно, не потому, что механическая солидарность потеряла почву, но потому, что не реализовались еще все условия существования первой» [1, с. 316].

По мнению Э. Дюркгейма, солидарность, основанная на разделении труда, приходит на место той, которая была основана на социальном сходстве. Развивая эту точку зрения, Дж. Хоманс пишет: «Социальное поведение представляет собой обмен ценностями, как материальными, так и нематериальными, например знаками одобрения или престижа. Люди, которые многое дают другим, стараются получить многое и от них, и люди, которые получают многое от других, испытывают с их стороны воздействие, направленное на то, чтобы они могли получить многое от первых. Такой процесс оказания влияния имеет тенденцию к обеспечению равновесия или баланса между обменами. То, что отдает человек, участвующий в обмене, может быть для него стоимостью, так же как то, что он получает, может быть для него вознаграждением, и его поведение меняется в меньшей степени, если выгода, т. е. вознаграждение за вычетом стоимости, сохраняет максимальное значение» [8, с. 90].

Парасоциальные отношения лишены такой составляющей, как обмен. Понятие парасоциальных отношений было введено Д. Хортоном и Р. Р. Уоллом в работе «Массовая коммуникация и парасоциальное взаимодействие» [11]. Парасоциальные отношения первоначально понимались ими как отношения зрителя и персонажа некоторого медиапродукта (например, героя телесериала).

Авторское определение, которое дали Д. Хортон и Р. Р. Уол парасоциальному взаимодействию, звучало так: «иллюзия близких отношений с исполнителем роли». В настоящее время существует тенденция к разделению парасоциальных взаимодействий (PSI) и парасоциальных отношений (PSR), где PSI — род личных или кажущихся таковыми взаимоотношений, а PSR — более сложный феномен, часто включающий в себя когнитивные, аффективные и конативные компоненты. Об этом говорят, в частности, Х. Шрамм и Т. Хартманн в работе, посвященной измерению и оценке парасоциальных отношений при помощи особого типа шкал [13]. Аналогичной точки зрения придерживаются также Дж. Диббл и С. Розен [9].

Следует отметить, что, несмотря на первоначальную связь преимущественно с телевидением и телепросмотром, концепция парасоциальных отношений и парасоциального взаимодействия начала достаточно широко использоваться и для объяснения взаимодействий в социальных сетях (см., например, работы Л. Расмуссен и др. [12, 14]).

Парасоциальные отношения представляют собой своеобразные «отношения без обмена». Просмотр телешоу, равно как и потребление любой другой медиапродукции, является исключительно односторонним процессом. Активность зрителя ограничена тем, какие программы ему предлагает тот или иной поставщик услуг. Ситуация такова, что какой бы то ни было классический социальный обмен между зрителем и героем шоу невозможен.

Сам факт наличия некоторого «отношения» между зрителем и героем произведения не подлежит сомнению, но дефиниция этого отношения нуждается в дополнительном прояснении. Можно утверждать, что данное отношение, несмотря на исчезновение социального обмена, тем не менее ярко переживается зрителем. Потребитель медиапродукции испытывает эмоции, он стремится разделить эти эмоции с другими, и подобные переживания часто фиксируются как пиковые.

Именно эмоциональная заряженность подобных отношений позволяет зафиксировать их как значимые. Кроме того, подобные переживания социальны по природе, и именно потому они

могут быть включены в сферу интересов не только социальной психологии, но и социологии, в особенности социологии эмоций.

Подобный подход применен, в частности, Д. Хопкинс в работе «Theorizing Emotions: Sociological Explorations and Applications» [10]. Подход Д. Хопкинс отличается преемственностью, она прослеживает общую логику социологического исследования эмоциональных процессов от Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля до современных авторов, работающих в том числе и в рамках теории парасоциальных отношений.

Следует зафиксировать два пункта, имеющих ключевое значение для целей и задач нашего исследования. Во-первых, эмоциональные процессы являются предметом социологии. Во-вторых, эмоциональные переживания являются тем атрибутом парасоциальных отношений, по которому мы выделяем их из социальной действительности, а также оформляем их в отдельный класс отношений. Это не означает, что традиционным социальным отношениям эмоциональная составляющая не присуща, но парасоциальные отношения фактически полностью лишены составляющей социального обмена, характерной для социальных отношений.

Можно выделить несколько черт эмоциональных переживаний, сопутствующих парасоциальным отношениям. Во-первых, они отличаются достаточной интенсивностью. Во-вторых, они связаны с максимальной дистанцированностью субъекта от объекта переживания: субъект, переживающий некоторое отношение, и объект, по поводу которого происходит переживание, находятся буквально в различных пространствах.

Именно эти черты, наряду с распадом отношения обмена, мы и будем использовать как индикаторы, определяющие то или иное отношение как парасоциальное. Подобные шкалы используются в работе Х. Шрамма и Т. Хартманна [13], где упоминаемые нами признаки выступают критериями анализа изначально слабо структурированного материала. Мы предполагаем, что подобным отношением в современном российском обществе является отношение к власти.

ОПИСАНИЕ МЕТОДА

Эмпирической основой данного исследования являются данные, полученные в ходе серий фокус-групп, проведенных в различных регионах Сибирского федерального округа с 2007 по 2019 г.

Целью исследований была оценка социально-политической ситуации в различных регионах России в контексте как региональных, так и общероссийских выборов. Все фокус-группы были проведены с использованием симметричной выборки для минимизации групповых эффектов, численность каждой группы — от 8 до 10 человек. К респондентам также предъявлялись дополнительные требования, касающиеся участия в выборах, но данные требования распространялись на все группы в целом.

Сравнение результатов исследований, проведенных в различные годы, осуществляется на базе блоков гайда фокус-групп, общего во всех проведенных сериях. Данный блок основан на методе парных сравнений и касается отношения респондентов к федеральной и региональной власти, кандидатам и избирательным объединениям. В эмпирическом смысле данный блок представлял собой парные сравнения кандидатов либо партий, упоминавшихся респондентами в ходе фокус-группы, и выяснение различий, которые характеризуют упомянутых кандидатов и избирательные объединения, по мнению респондентов.

Приведенные результаты отражают обобщенные тенденции, характерные для всех проводившихся фокус-групп. Цитаты из обсуждений также свойственны различным фокус-группам и воспроизводят характерные паттерны, имевшие место в ходе обсуждения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Начать следует с того, что власть воспринимается как достаточно удаленная. Притом эта удаленность не только пространственная, но и инструментальная. При описании власти участники фокус-групп используют следующие обороты:

- «там, в Москве»;
- «они там»;
- «в Москве всё решается».

Приведенные обороты являются распространенными и характерными, участники исследований используют их при описании действий не только федеральных, но и региональных властей. Любые обращения к местной, региональной специфике не находят поддержки у участников фокус-групп. Таким образом, первый признак парасоциальных отношений — пространственная разделенность субъекта и объекта — может быть точно зафиксирован.

Далее следует обратиться к эмоциональной составляющей этих отношений. Следует отметить, что эмоционального отношения к власти как таковой не существует. В рамках исследования можно зафиксировать эмоциональное отношение к отдельным персонам. Участники проведенных нами исследований определяют персон через характеристики их личности и не используют формулировки действия. В большинстве случаев респонденты не могут сказать, чем один кандидат на выборную должность лучше, чем другой.

Тем не менее фиксации разделенности субъекта и объекта переживания наряду с эмоциональным отношением недостаточно для того, чтобы определить отношение как парасоциальное. Для такой дефиниции следует зафиксировать отсутствие отношений обмена. Отправной точкой в этом анализе будет являться именно дистанцированность субъекта и объекта переживания.

Для существенной части российских избирателей восприятие политического характеризуется некоторой разделенностью медийного и собственно событийного, жизненного контекста. Повестка дня медиа никак не соотносится с жизненной ситуацией.

Особенно четко это фиксируется при исследовании мотивов голосования на выборах в местные органы законодательной и исполнительной власти. В рамках исследования электорального поведения особенно хорошо заметна разделенность собственно мотивов голосования и общей оценки необходимости выборов. Приведем некоторые фрагменты:

Модератор: За кого вы будете голосовать на предстоящих выборах совета депутатов?

Участник 01: За N.

Участник 02: За M.

<групповая дискуссия>

Модератор: Почему?

Участница 07 (улыбается): Ну, мне кажется (пауза), M — он хороший человек.

Модератор: Вы поэтому собираетесь за него голосовать?

Участница 07: Нет (пауза), ну, с другой стороны, мы уже не знаем, за кого проголосовать...

Модератор: Почему?

Участник 03 (тон повышен): А вот что толку за них голосовать?! Ничего же не меняется. Мы же раньше голосовали, и толку? Приходит — и всё по новой.

Модератор: А вы за кого будете голосовать?

Участник 03 (пауза): Да тоже, наверное, за M. А может, и не пойду, не решил еще.

Избиратели готовы голосовать (или не голосовать) за конкретного кандидата, исключительно оценивая его в рамках конструкта «хороший человек — плохой человек». Но, вне зависимости от декларируемого мотива голосования и места кандидатуры на одном из полюсов данного конструкта, избиратели признают, что сама процедура голосования при любом ее исходе никак не повлияет на их жизненную ситуацию.

Если избиратель приходит на участок, то решение принимается именно в рамках конструкта «плохой — хороший», на базе простейшей эмоциональной оценки. Но за пределами этой ситуации у него отсутствуют цель и мотив, связанные с реализацией электорального поведения.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Таким образом, анализ приведенных характерных паттернов поведения респондентов в ходе фокус-групп позволяет выделить несколько значимых аспектов зафиксированного нами парасоциального отношения.

Первая черта — зафиксированная в обсуждении оторванность власти как феномена от повседневной действительности респондентов. При обсуждении, вне зависимости от эмоционального отношения, власть как «они» всегда противопоставляется населению территории («мы»). Это противопостав-

ление порождает некоторый конфликт, который, судя по всему, и может являться основой эмоционального переживания.

Сам эмоциональный компонент, несмотря на его оценочную природу, фактически не связывается с поведением. Власть оценивается позитивно или негативно не благодаря каким бы то ни было действиям, значимо влияющим на действительность респондентов. Эмоциональная оценка власти, независимо от модальности оценки, оказывается отделенной от действий власти или любых изменений, связываемых респондентами с таковыми действиями. Буквально это выглядит следующим образом: несмотря на то, что власть оценивается респондентами как «хорошая» или «плохая», респонденты не могут сформулировать причины такой оценки. Соответственно, эмоциональный компонент не мотивирует поведение.

Еще одна черта эмоционального компонента парасоциальных отношений, которую стоит отметить в рамках обсуждаемой нами проблематики, — амбивалентность эмоционального компонента парасоциальных отношений. При описании процедуры выборов участники целого ряда исследований, проведенных нами, вполне успешно сочетали два типа эмоциональных оценок: с одной стороны, они описывают выборные процедуры как «гражданский долг» и настаивают на их необходимости, с другой — говорят о том, что выборы являются «пустой тратой бюджетных денег», и потому их проведение лишено всякого смысла. Следует отметить, что амбивалентность, присущая эмоциональным отношениям в российском обществе, широко изучается в социологии. В частности, следует отметить работы В. Г. Немировского и его соавторов, посвященные анализу эмоциональных аспектов отношений, складывающихся в современном российском обществе [2, с. 49-66, 3], и др.

Аналогичным образом политическое поведение понимают многие исследователи. Следует отметить работы Ж. Т. Тощенко [7] и В. О. Рукавишниковой [6], посвященные тематике политического поведения в широком социальном контексте. Достаточно подробный анализ политического поведения предпринимался также и в рамках ряда кандидатских диссертаций [4, 5].

Таким образом, парасоциальное отношение в рамках политического процесса характеризуется несколькими чертами. Во-первых, оно лишено составляющей обмена, а именно никакое действие в рамках политического процесса никак не отражается на личной ситуации респондента. Во-вторых, это поведение является крайне эмоционально заряженным, и эмоция становится причиной действия. Голосование происходит не в связи с результатами деятельности или с желанием подобных результатов, а потому что человек вызывает позитивные эмоции. В-третьих, эмоциональное отношение в рамках выборной процедуры характеризуется амбивалентностью.

Эмоциональные процессы играют ключевую роль в понимании такого класса явлений, как парасоциальные взаимоотношения или парасоциальное взаимодействие. Их изучение позволило нам сформулировать ряд ключевых выводов, приведенных далее.

ВЫВОДЫ

1. При исследовании парасоциальных отношений целесообразно использовать традиционное для социологии представление о социальном обмене как основополагающей черте социальных отношений. По мнению целого ряда авторов, парасоциальные отношения лишены составляющей социального обмена. Они базируются преимущественно на эмоциональных процессах.
2. Следует разделять два типа явлений — парасоциальные взаимодействия как более узкий, микросоциологический контекст теории социальных отношений, и понятие парасоциальных отношений, выступающее в роли макросоциологического контекста.
3. В современном российском обществе одним из пространств реализации парасоциальных отношений являются политические и электоральные. Данный класс взаимодействий между избирателями и органами власти лишен отношений обмена, связан с эмоциональными оценками и характеризуется амбивалентностью, свойственной эмоциональным процессам.
4. Изучение парасоциальных отношений возможно при помощи качественных социологических методов, методической базой которых могут стать шкалы PSI, разработанные в рамках западной социологии СМИ. Тем не менее эти шкалы требуют специальной адаптации и уточнения.
5. Весьма перспективной представляется оценка возможностей разработки количественных методик для анализа парасоциальных отношений, а также их изучения в других аспектах современной общественной жизни, кроме политических и электоральных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. М.: Канон, 1996. 432 с.
2. Немировский В. Г. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края / В. Г. Немировский, А. В. Немировская. Красноярск: Изд-во СФУ, 2011. 159 с.
3. Немировский В. Г. Социология человека: от неклассических к постнеклассическим подходам / В. Г. Немировский, Д. Д. Невирко. Красноярск: СибЮИ МВД РФ, 2006. 396 с.
4. Пахоменко С. А. Трансформация политического поведения российской молодежи в условиях кризиса социокультурной идентичности: дис. ... доктора филос. наук / С. А. Пахоменко. Ростов-на-Дону, 2007.
5. Плотникова Т. В. Политическое поведение в России: социально-философский анализ: дис. ... доктора филос. наук / Т. В. Плотникова. Ростов-на-Дону, 2009.
6. Рукавишников В. О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ / В. О. Рукавишников // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 34-46.
7. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. М., 2001. 398 с.

8. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен / Дж. Хоманс // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. С. 82-91.
9. Dibble J. L. Parasocial interaction and parasocial relationship: conceptual clarification and a critical assessment of measures / J. L. Dibble, T. Hartmann, S. Rosaen // Human Communication Research. 2016. No 42. Pp. 21-44. DOI: 10.1111/hcre.12063
10. Hopkins D. Theorizing Emotions: Sociological Explorations and Applications / D. Hopkins. University of Chicago Press, 2009. 280 p.
11. Horton D. Mass communication and para-social interaction / D. Horton, R. R. Wohl // Psychiatry. 1956. Vol. 19. Issue 3. Pp. 215-229. DOI: 10.1080/00332747.1956.11023049
12. Rasmussen L. Parasocial interaction in the digital age: an examination of relationship building and the effectiveness of YouTube celebrities / L. Rasmussen // The Journal of Social Media in Society. Spring 2018. Vol. 7. No 1. Pp. 280-294.
13. Schramm H. The PSI-Process Scales. A new measure to assess the intensity and breadth of parasocial processes / H. Schramm, T. Hartmann // Communications. 2008. No 33. Pp. 385-401. DOI: 10.1515/COMM.2008.025
14. Yilmaz G. Tweeting facts, Facebooking lives: the influence of language use and modality on online source credibility / G. Yilmaz, J. Q. Johnson // Communication Research Reports. 2016. Vol. 33. No 2. Pp. 137-144. DOI: 10.1080/08824096.2016.1155047

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73

UDC 662.5

Emotional processes in parasocial relationships: the possibilities of sociological studies

Alexey S. Novikov

Cand. Sci. (Philos.), Master of Psychology,
Associate Professor, Department of Sociology,
Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)
Scopus ID: 57210605206
asnovikov@gmail.com

Abstract. This paper studies the possibilities of using high-quality sociological methods — focus groups and in-depth interviews — to analyze parasocial relationships. The author relies on the definition of parasocial relations, introduced by the American scientists D. Horton and R.R. Wohl. A secondary analysis of the data of several series of sociological studies conducted in the Siberian Federal District and a number of other regions of Russia served as the empirical base of the work. The concept of parasocial relations complements and expands the widespread notion of social relations, adopted and shared in sociological science. The key feature of parasocial relations in this work is the actual breakdown of social exchange relations, thus, the author attempts to separate the concept of parasocial relations and parasocial interactions. This article analyzes the main features of parasocial relationships, as well as the indices, which allow determining parasocial relationships using high-quality methods of sociological research. One of the key features of parasocial attitudes in the context of the perception of political power is the lack of an exchange component characteristic of the classical concept of social relations. An important feature of the attitude to power as a parasocial attitude is the emotional charge of such behavior, which is a significant motivator of political (including electoral) behavior. The third significant feature that characterizes the discussed relationships and interactions as parasocial is ambivalence, the tradition of which includes a large number of not only sociological, but also psychological and philosophical works. The author of the article substantiates the use of such an extensive layer of sociological material as the study of attitudes to power, as a basis for the study of parasocial relations. The article postulates that emotional processes play a key role in understanding such a class of phenomena as parasocial relationships or parasocial interactions. The author colludes that the further analysis of parasocial relations in various aspects of modern public life is promising.

Keywords: social relations, parasocial relations, electoral behavior, interviews, focus groups, emotions.

Citation: Novikov A. S. 2019. “Emotional processes in parasocial relationships: the possibilities of sociological studies”. *Siberian Socium*, vol. 3, no 3 (9), pp. 65-73.
DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73

REFERENCES

1. Durkheim E. 1996. *On the Division of Social Labor*. Moscow: Canon. [In Russian]
2. Nemirovsky V. G., Nemirovskaya A. V. 2011. *The Social Structure and Social Capital of the Population of the Krasnoyarsk Territory*. Krasnoyarsk: Publishing House of the Siberian Federal University. [In Russian]

3. Nemirovsky V. G., Nevirko D. D. 2006. Human Sociology: From Non-Classical to Post-Non-Classical Approaches. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. [In Russian]
4. Pakhomenko S. A. 2007. "Transformation of the political behavior of Russian youth in a crisis of sociocultural identity". Dr. Sci. (Philos.) diss. Rostov-on-Don. [In Russian]
5. Plotnikova T. V. 2009. "Political behavior in Russia: a socio-philosophical analysis". Dr. Sci. (Philos.) diss. Rostov-on-Don. [In Russian]
6. Rukavishnikov V. O. 1995. "Sociological aspects of the modernization of Russia and other post-communist societies". Sociological Research, no 6, pp. 66-84. DOI: 10.2753/SOR1061-0154340666
7. Toshchenko Zh. T. 2001. Paradoxical Man. Moscow. [In Russian]
8. Homans J. 1984. "Social behavior as an exchange". In: Modern Foreign Social Psychology, pp. 82-91. Moscow: Publishing house of Moscow University. [In Russian]
9. Dibble J. L., Hartmann T., Rosaen S. 2016. "Parasocial interaction and parasocial relationship: conceptual clarification and a critical assessment of measures". Human Communication Research, no 42, pp. 21-44. DOI: 10.1111/hcre.12063
10. Hopkins D. 2009. Theorizing Emotions: Sociological Explorations and Applications. University of Chicago Press.
11. Horton D., Wohl R. R. 1956. "Mass communication and para-social interaction". Psychiatry, vol. 19, no 3, pp. 215-229. DOI: 10.1080/00332747.1956.11023049
12. Rasmussen L. 2018. "Parasocial interaction in the digital age: an examination of relationship building and the effectiveness of YouTube celebrities". The Journal of Social Media in Society, Spring, vol. 7, no 1, pp. 280-294.
13. Schramm H., Hartmann T. 2008. "The PSI-process scales. A new measure to assess the intensity and breadth of parasocial processes". Communications, no 33, pp. 385-401. DOI: 10.1515/COMM.2008.025
14. Yilmaz G., Johnson J. Q. 2016. "Tweeting facts, Facebooking lives: The influence of language use and modality on online source credibility". Communication Research Reports, vol. 33, no 2, pp. 137-144. DOI: 10.1080/08824096.2016.1155047